Живи и помни.

РАСПУТИН ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ.

"В морозы в бане Гуськовых, стоящей на нижнем огороде у Ангары, поближе к воде, случилась пропажа: исчез хороший, старой работы, плотницкий топор Михеича... Кто-то, хозяйничавший здесь, прихватил заодно с полки добрую половину листового табаку-самосаду и позарился в предбаннике на старые охотничьи лыжи".

- -Почему Настёна, невестка Михеича, напрочь лишилась сна?
- Казалось бы, ну вор и вор. Однако же топор-то спрятан был под половицей, - значит, взять его мог только тот, кто об этом знал, только *свой*.
- Что она предпринимает?
- она на следующий же день тайком отнесла в баню большую ковригу хлеба: "Неспокойная, упрямая жуть в сердце заставляла ее искать продолжения истории с топором".

Что происходит в душе героини?

- Настена не в состоянии сохранять покой, что-то гложет ее, заставляет совершать поступки, не запланированные ранее: вот она, проверяя, на месте ли коврига, обнаруживает лишь крошки от нее на полу и в испуге со стоном опускается на лавку; вот, несмотря на отговоры суровой свекрови, топит баню и затем до ночи чего-то ждет в ней. И то ли она идет на поводу у беспощадной судьбы, сама приближая то, что предначертано, то ли судьба, видя ее мучительные поиски ответа, уступает, но среди ночи "дверь вдруг открылась, и что-то, задевая ее, шебурша, полезло в баню".
- "- Молчи, Настена. Это я. Молчи.
- В деревне нанялись и затихли собаки".

Любила ли Настена своего мужа? И что такое для нее любовь? И в чем она видит смысл семейной жизни?

- Встретились они после голодного тридцать третьего года, когда девушка немного пришла в себя, потому что "ухнул такой урожай, что не отъесться было бы стыдно... Разгладились ранние морщины на лице, налилось тело, на щеках заиграл румянец, осмелели глаза". До этого ей пришлось немало натерпеться горя: шестнадцатилетняя, она схоронила мать - отца убили еще раньше - да, спасаясь от голодной смерти, вместе с малолетней сестренкой, пошла с протянутой рукой по миру, просить кусок хлеба. Потом, ради того же куска хлеба, стала гнуть спину на теткину семью. И когда Андрей предложил ей выйти за него замуж, "Настена кинулась в замужество, *как в воду*, - без лишних раздумий: все равно придется выходить... "

Кто он, этот человек, и что позволило ему совершить поступок, презираемый всегда и везде, независимо от века и национальности?

- Работящий крестьянский мужик, который и на войне несколько лет подряд честно делал свое дело и даже заслужил уважение товарищей: они могли взять его в разведку, на трудное дело, то есть всецело доверяли ему, когда речь шла о жизни и смерти.
- Как осмелился он предать их и на каком основании решил, что они могут погибать, а он обязан выжить?
- Поначалу Андрей и не помышлял о дезертирстве, хотя бы потому, что прекрасно помнил "показательный расстрел, который ему довелось видеть весной сорок второго года": расстреливали сорокалетнего "самострела" и совсем еще юного мальчишку, захотевшего сбегать в родную деревню, расположенную в пятидесяти верстах. Но мысль о собственном спасении (естественная мысль, если она не преобладает над прочим, не глушит чувство долга, ответственности) жила в нем постоянно, все больше переходя в страх за свою жизнь: он уже молил судьбу о том, чтоб его ранило, - только бы выгадать время, не идти еще раз в бой, а там, глядишь, и война кончится. Не из этой ли мысли и родился затем роковой поступок? Когда его действительно ранило и он, почти три месяца провалявшись в новосибирском госпитале и настроившись на короткую поездку домой, понял, что поездке не бывать, не неумение срочно перестроиться, а именно боязнь, да еще "**обида и злость** на все то, что возвращало его обратно на войну", сыграли решающую роль.

- Его изначальная, родившаяся еще в день ухода на войну "обида на все, что оставалось на месте, от чего его отрывали и за что ему предстояло воевать", сейчас вспыхнула с новой силой: обида на врачей, на деревню, на всех, кто в ней жил, на весь белый свет. И обила победила в нем. Вернее, он позволил ей одержать эту победу. Позволил, если даже не помог своим согласием, непротивлением соблазну. Не "судьба его свернула в тупик, выхода из которого нет", а он сам указал судьбе маленькую лазейку, трещинку в своей душе, сквозь которую она и вывела Гуськова на бесповоротный путь, упирающийся в стену. Произошло то, о чем В. Распутин затем скажет в одной из бесед, посвященных этой повести: **"Человек, хотя бы раз ступивший на дорожку предательства, проходит по ней до конца".**

"Человек, хотя бы раз ступивший на дорожку предательства, проходит по ней до конца".Проследим этот путь.

- Надо как-то устраиваться, если хочешь жить, оглядываться, что у него есть, с чем начинать новую жизнь. Ружьишко бы. Надо объявиться Настене, больше никому. Один он пропадет.
- Когда Гуськов подбежал, она еще была жива. Хрипя и молотя ногами, она подгребала под себя снег; глаза налились кровью, голова вскидывалась и падала. Он не добил ее, как следовало бы, а стоял и смотрел, стараясь не пропустить ни одного движения, как мучается подыхающее животное, как затихают и снова возникают судороги, как возится на снегу голова. Уже перед самым концом он приподнял ее и заглянул в глаза - они в ответ расширились, и он увидел в их плавающей глубине две лохматые и жуткие, похожие на него, чертенячьи рожицы. Он ждал последнего, окончательного движения, чтобы запомнить, как оно отразится в глазах, и пропустил его. Ему показалось, что глаза козули в этот момент были обращены в себя.

- Волк устраивался на задах зимовья и затягивал свою жуткую и острую на одном дыхании, песню. Все на свете меркло перед ней - настолько тонким режущим лезвием, взблескивая в темноте, подступал этот голос к горлу. Страдая, что не может ничем пугнуть зверя, Гуськов приоткрыл однажды дверь и в злости, передразнивая, ответил ему своим воем. Ответил и поразился: так близко его голос сошелся с волчьим. Ну что ж, вот и еще одна исполненная по своему прямому назначению правда: с волками жить _ по-волчьи выть. "Пригодится добрых людей пугать", - со злорадной, мстительной гордостью подумал Гуськов.

- Он умолчал, каким образом приспособился рыбачить. Этого сказать он ей не мог. Еще совсем недавно он и подумать не смел что способен позариться на чужое, а теперь вот докатилось ужи и до этого. Кто-то из Рыбной поставил уды возле своего верхнего дальнего острова со стороны протоки, у тихого илистого берега, а он однажды ночью случайно наткнулся на них и не утерпел. Он знал, что каждый день таскать пешню в деревню и обратно никто не станет, и действительно отыскал ее в кустах, там же лежала маленькая совковая лопата с коротким черенком - рыбак, видать, во всем любил обстоятельность. Уды обычно проверяют по утрам, Гуськов же взялся посматривать их по вечерней темноте, чтобы за ночь снова успело затянуть лунки льдом. Так он добыл уже четырех налимов.

- Он вышел на воздух, навесил обратно на дверь замок, осмотрелся, и его вдруг охватило безудержное, лютое желание поджечь мельницу. Долго ли - вон валяется береста, спички есть, постройка давняя, сухая, займется быстро. Он помнил себя, понимал, что нельзя поджигать и что в конце концов он не посмеет поджечь, но дьявольский искус был настолько силен, так хотелось оставить по себе жаркую память, что он, не надеясь больше на свою волю, не доверяя ей, подхватился и заторопился прочь от мельницы, подальше от греха.

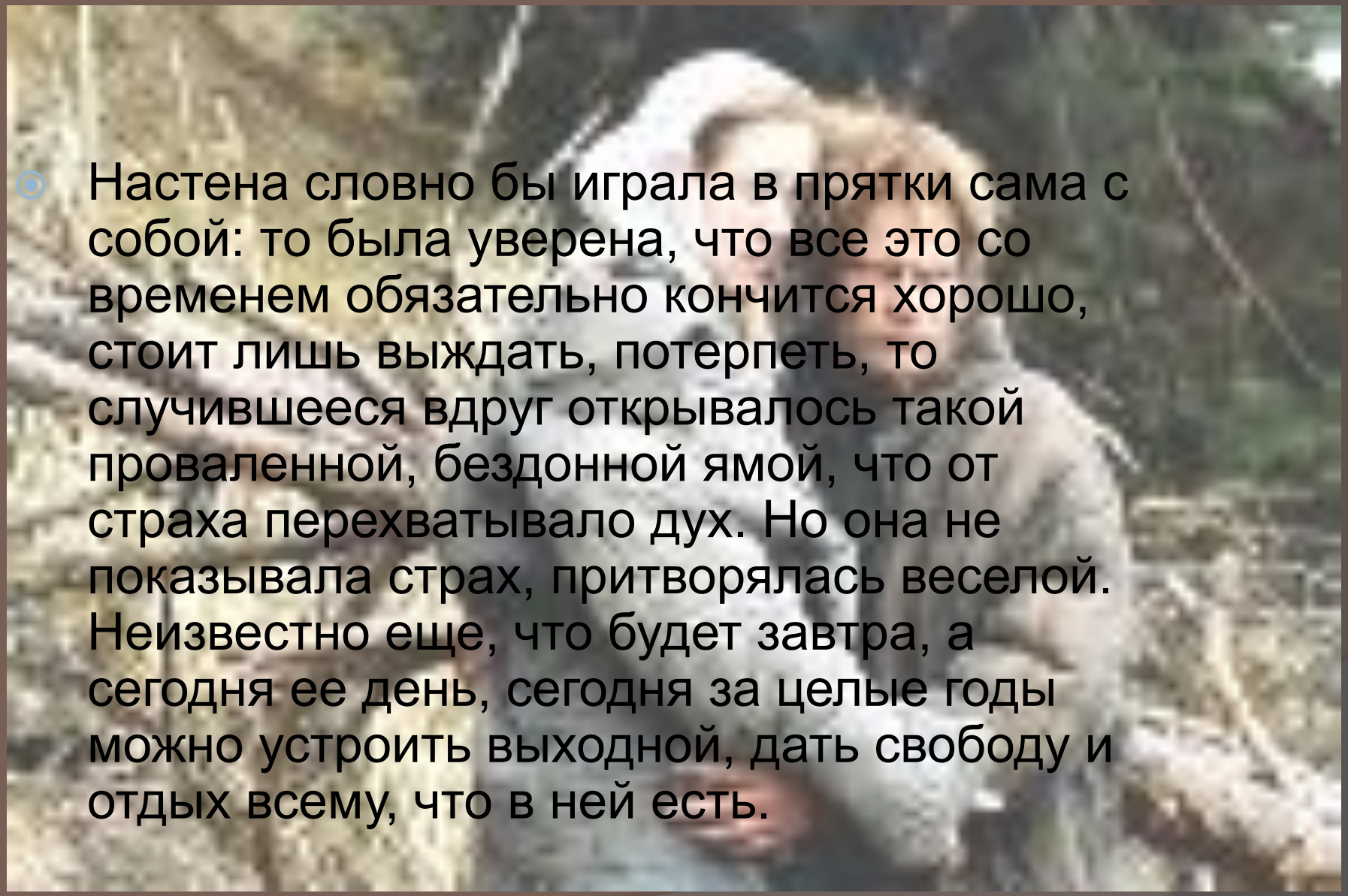
- Возвращаясь обратно, человек увидел, что теленок лежит, - он так обессилел, что не мог стоять на ногах. Испуганно повернул он к приближающемуся человеку голову - быстро и точно, с мгновенным замахом человек ударил его обухом топора по подставленному лбу, и голова, чуть хмыкнув, повалилась и повисла на ремне. В тот же миг сзади закричала корова. Совсем озверев, Гуськов пошел на нее, готовый зашибить и корову, но, видя, что она не двигается от него, остановился. Хватит с него на сегодня одного убийства - иначе можно и подавиться. И пока он обдирал теленка, корова стояла все на том же месте, не сводя с человека глаз, заставляя и его, в свою очередь, боязливо следить за ней, и изредка, слабо, со стоном взмыкивала. От запаха парного, еще не потерявшего жизни мяса Гуськова стошнило. Он отрубил от туши два стегна, добавил к ним еще один кусок и затолкал в мешок, остальное, как медведь, завалил прошлогодним листом и забросал хламьем. Перед тем как уходить, Гуськов в последний раз оглянулся на корову. Пригнув голову, она смотрела на него с прежней пристальной неподвижностью, и в ее глазах он увидел угрозу - какую-то постороннюю, не коровью, ту, что могла свершиться. Гуськов заторопился уйти.

Образ Настены - этический центр повести. Она, а не Гуськов, - главная героиня.

- Мало что понимая, она вдруг спохватилась: а муж ли? Не оборотень ли это с ней был? В темноте разве разберешь? А они, говорят, могут так прикинуться, что и среди бела дня не отличишь от настоящего. Не умея правильно класть крест, она как попало перекрестилась и зашептала подвернувшиеся на память, оставшиеся с детства слова давно забытой молитвы. И замерла от предательской мысли: а разве не лучше, если бы это и вправду был только оборотень?

- Впервые, может быть, в жизни чувствует она душевный разлад, дискомфорт, разлом. Права перед собою - не права перед людьми; помогает Андрею - значит, предает тех, кого и он предал; честна перед мужем - грешна в глазах свекра, свекрови и всей деревни.
- За что ей такое наказание? И Настена сама придумывает себе вину: "А может, она тоже повинна в том, что он здесь, - без вины, а повинна? Не из-за нее ли больше всего его потянуло домой?.. Он перед отцом и матерью не открылся, а перед ней открылся. И, может, смерть оттянул, чтоб только побыть с ней. Так как же теперь от него отказаться? Это совсем надо не иметь сердца, вместо сердца держать безмен, отвешивающий, что выгодно и что невыгодно. Тут от чужого, будь он трижды нечистый, просто не отмахнешься, а он свой, родной... Их если не Бог, то сама жизнь соединила, чтоб держаться им вместе, что бы ни случилось, какая бы беда ни стряслась".

- Добрая душа Михеич, но скоро, похоже, разладится и с ним. Хватится он ружья, хватится одного, другого, а ей и ответить нечего. На воров сваливать нельзя: пойдет шум, начнут допытываться, доискиваться, и всплывет у кого-нибудь нечаянная догадка: почему воруют только у Гуськовых? Не свой ли человек рядом ходит, не своим ли пользуется, зная, где что лежит? Андрей запретил даже близко намекать о себе отцу. Вот тут и выкручивайся. Семеновна уж потеряла на днях ковригу, которую Настена унесла Андрею во вторую встречу, - пришлось придумать, что заняла Надька. А что будет дальше? Поэтому в Карду Настене надо было позарез. Везла она с собой в отдельном узелке шерстяную вязаную кофту и, на всякий случай, если не позарятся на кофту, дорогую и красивую серую оренбургскую шаль, которую Андрей купил ей еще в первый год, как сошлись. Везла, чтобы обменять на муку. Картошки с ведро она Андрею утащила, а муку отсыпать побоялась: ее и всего-то в ларе осталось квашни на две.
- Она ехала и думала: вот и научилась ты, Настена, врать научилась воровать. А ведь это только начало - что с тобой, Настена, будет дальше? Но вины она за собой все-таки не чувствовала, не признавала, хотелось лишь краешком глаза заглянуть вперед, подсмотреть, чем все это кончится.



- Настена словно бы играла в прятки сама с собой: то была уверена, что все это со временем обязательно кончится хорошо, стоит лишь выждать, потерпеть, то случившееся вдруг открывалось такой проваленной, бездонной ямой, что от страха перехватывало дух. Но она не показывала страх, притворялась веселой. Неизвестно еще, что будет завтра, а сегодня ее день, сегодня за целые годы можно устроить выходной, дать свободу и отдых всему, что в ней есть.

- А куда ступать? Что делать? Уж и привыкла к своей лямке, притерлась, и не уйдешь далеко, даже если решишься, и идти некуда. Как тут не растеряться? Нет, видно, из веревок не выпрячься, надо их подтягивать и ждать, что будет дальше. Убежать от судьбы она не сможет. Теперь и толочься-то придется по тому же кругу, но словно бы в сторонке. Подглядывать, как живут другие, и жить наособь, под секретом. Смотреть в оба глаза и говорить в полязыка. Работать вдвое больше и спать вдвое меньше. Хитрить, изворачиваться, врать и знать наперед, чем это кончится. А все потому, что до поры сберег себя мужик. Человек должен быть с грехом, иначе он не человек. Но с таким ли? Не вынести Андрею этой вины, ясно, что не вынести, не зажить, не заживить никакими днями. Она ему не по силам. Так что теперь - отступиться от него? Плюнуть на него? А может, она тоже повинна в том, что он здесь, - без вины, а повинна? Не из-за нее ли больше всего его потянуло домой? Не ее ли он боялся никогда не увидеть, не сказать последнего слова? Он перед отцом и матерью не открылся, а перед ней открылся. И может, смерть оттянул, чтоб только побыть с ней. Так как же теперь от него отказаться? Это совсем надо не иметь сердца

- В середине марта вернулся в Атамановку первый фронтовик - Максим Вологжин.
- Настена, затаившись, молчала. Она не могла ни говорить, ни плакать, ни пить вместе со всеми - как никогда раньше, Настена поняла здесь, что ничего этого нельзя: не имеет права. Что бы она ни сделала, все будет обманом, притворством - ей оставалось только осторожно слушать и смотреть, что делают и говорят другие, ничем не выдавая себя и не обращая на себя внимание. Она уж и жалела, что пришла сюда, но и уйти теперь тоже было неловко.
- Без людей ей стало легче, и она с укором покивала себе: вот до чего уж дошло - раньше, чтобы успокоиться, держалась людей, а теперь, наоборот, бежит от них.

- Неделю назад, когда Настена впервые заподозрила в себе начало новой жизни, она едва не задохнулась от нахлынувших на нее - давно отринутых, оскорбленных, упрятанных и вот теперь освободившихся и оправдавшихся чувств: господи, неужели?! Неужели и она тоже, как все нормальные бабы, способна стать матерью?
- - А я? - приподымаясь на нарах, спросила Настена. - Как же со мной-то быть? Я же середь людей живу - или ты забыл? Что я им, интересно, скажу? Что я скажу твоей матери, твоему отцу? Они ведь, наверное, спросят, поинтересуются. Так близко, совсем рядом, был этот вопрос, но он почему-то не ожидал его. Он выпрямился и опять сел, уставившись на нее с удивленной оторопью. - Не знаю, - пожал он плечами. - Плевать нам на все.
- -Тут на меня самая распоследняя собака ветер понесет - и правильно, гляди, на что идешь. Трудно, однако, одной от людей будет с моим грузом - боюсь не справиться, Андрей.

- А прояснило, и смуть отошла с души: семь бед - один ответ. Слишком далеко Настена зашла, слишком многого нужно бояться, а потому лучше не бояться ничего и идти напрямик. Судьбой ли, повыше ли чем, но Настене казалось, что она замечена, выделена из людей - иначе на нее не пало бы сразу столько всего. Для этого надо быть на виду. Конечно, сейчас ей приходится нелегко, но разве лучше было коптить, как она коптила, небо и топтать одну и ту же, короткую, никуда не ведущую, ни в чем не обнадеживающую дорожку? Без милости ее, наверно, не оставят и, когда понадобится, помогут, а там еще, глядишь, и вознесут за страдания - даром ничего не дается. Она потерпит, вынесет все, что придется на ее долю, но коптить небо плюновой, ни на что не пригодной бабой она не согласна - тогда уж лучше и не жить.

- Кончилась война.
- что-то удерживало, наговаривало, что это не ее день, не ее победа, что она к победе никакого отношения не имеет. Самый последний человек имеет, а она нет.

- Но едва она оставалась одна, подступало отчаяние и мучительной жутью пронзалось сердце: да что же они делают? Что они делают, на что надеются? Правда - она сквозь камни прорастет, посреди Ангары в самом быстром и глубоком месте поднимется из воды говорящим деревом. Никакой силой ее не скрыть. Не лучше ли Андрею все же выйти и повиниться? Веруют же: об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных. Люди тоже должны понимать, что тот, кто упал до такого греха, впредь для греха не годится.
- - Андрей, может, не надо, а? Может, не будем так, выйдем? Я бы пошла с тобой куда угодно, на какую хошь каторгу - куда тебя, туда и я. Так я больше не могу. И ты не можешь, ты посмотри на себя, какой ты стал, что ты с собой сделал? Кто тебе сказал, что расстреляют? Война кончилась... и без того задохнулись в смертях... Она, торопясь, говорила и видела, как отодвигается от нее лицо Андрея, как, удивленно замерев, перекашивается оно недоброй усмешкой. Он сказал: - Избавиться от меня надумала? Но-но, давай.

- Уметайша, не жди, покель я ухватом тебя не помела. Штоб тобой тут боле не пахло. Настена в чем была, в том и вышла. На крыльце она подобрала ведро, в котором выносила теленку пойло и впопыхах забыла на ступеньке, и поставила его на лавку. Из избы продолжали греметь и шипеть проклятия
- Она не обижалась на Семеновну - что тут, в самом деле, обижаться? Этого и следовало ждать. Но до самого последнего момента Настена надеялась, что, раз она ни в чем не виновата, правда каким-то образом должна сказаться и уберечь ее от такой расправы. И не справедливости она искала - сейчас невозможно понять, что справедливо и что нет, она и сама давно заплутала в этих двух соснах, но хоть маломальского сочувствия от свекрови, ее молчаливой и вещей догадки, что ребенок, против которого она ополчилась, ей не чужой. Неужели своя кровь ничего ей не шепнула, не плеснула в сердце пытливым толчком? На что тогда рассчитывать от людей? Вот он, нарыв, который долго нарывал, тянул из нее терпение и силы, наконец лопнул, а приложить к ране нечего. Много ли помогут одни свои наговоры, бедное утешение в том, что надо все перетерпеть ради чего-то, что наступит после? А что там хорошего наступит? Нет**, нечего ждать, нечего.**

- Нет, надо уходить Андрею - хоть куда, в какую угодно сторону, но уходить. Или выходить и сдаваться: когда по своей воле, надежды на пощаду больше. Господи, да сколько веревочке ни виться, а конец будет. Какую заварил кашу... какую кашу... к чему! Если и уйдет он, укроется на веки вечные, будто его и не было вовсе, - она уж и не знала, чего хотела! - все равно на ребенка после этого падет слава, от которой больше всего он хотел его уберечь: ходил-де в свою пору слух, что отец ему - бегляк с войны. И ничем эту славу не вытравить - так устроен человек, что скажи ему, будто кто-то рожден от самого дьявола, он поверить не поверит, но про дьявола не забудет и даже найдет сотню доказательств: от него, от нечистого. Стало быть, и ребенок родится на стыд, с которым не разлучаться ему всю жизнь. И тут не выйдет, как хотели, - ничего не выйдет. И грех родительский достанется ему, суровый, истошный грех, - куда с ним деваться?! И не простит, проклянет он их - поделом.

- Устала она. Знал бы кто, как она устала и как хочется отдохнуть! Не бояться, не стыдиться, не ждать со страхом завтрашнего дня, на веки вечные сделаться вольной, не помня ни себя, ни других, не помня ни капли из того, что пришлось испытать. Вот оно наконец, желанное, заработанное мучениями счастье, - почему она не верила в него раньше? Чего она искала, чего добивалась? Напрасно, все напрасно. Стыдно... всякий ли понимает, как стыдно жить, когда другой на твоем месте сумел бы прожить лучше? Как можно смотреть после этого людям в глаза?.. Но и стыд исчезнет, и стыд забудется, освободит ее...
- После похорон собрались бабы у Надьки на немудреные поминки и всплакнули: жалко было Настену.

В чём смысл названия повести?

- "Живи и помни, человек, в беде, в кручине, в самые тяжкие дни и испытания: место твое - с твоим народом; всякое отступничество, вызванное слабостью ль твоей, неразуменьем ли, оборачивается еще большим горем для твоей Родины и народа, а стало быть, и для тебя" (В. Астафьев).